

Вступление России в Великую войну было воспринято русским философским сообществом с большим душевным подъемом. Лидер «путейцев», т.е. группы православно ориентированных мыслителей, несколькими годами ранее объединившихся вокруг московского книгоиздательства «Путь», князь Е.Н. Трубецкой уже 2 августа 1914 года в газете «Русские ведомости» старался прояснить согражданам значение свершающихся событий. Смыслом и целью войны являются единство и целостность России, а также освобождение славянских народов. «Живу, как все, как и Вы, потрясенный, умиленный, смущенный, возрадованный, — писал «путеец» С.Н. Булгаков 3 августа «путейцу» же А.С. Глинке (Волжскому). — Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя, а Царь своего народа (как прекрасен, как смиренен и мужественен наш Государь, какие слова на-

шел он для выражения чувства всей России. Воистину, Господь с ним!). Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша, православная Церковь! Куда делась вся интеллигентская и партийная мерзость, распря, вражда! Совершилось воистину чудо, и радостно умереть при этом: «ныне отпускаеши...» Что бы ни было впереди, но мы увидели Русь, и она сама себя увидела!»¹ Подобные настроения захватывали и мыслителей, которые в весьма пестром ландшафте русской философии Серебряного века выступали в качестве проводников мысли западной, прежде всего немецкой, в том числе и группу авторов, сплотившихся вокруг международного журнала «Логос»². Один из самых активных «логосовцев» Б.В. Яковенко писал 13 ноября 1914 г. Г.Г. Шпету, философу скептически настроенному: «Мои надежды на ближайшее будущее России значительно превосходят Ваши. Я всеми фибрами души чувствую страшный буду-

щий рост и духовной и экономической России сразу же после этой победоносной войны. Германия будет раздавлена именно Россией, и это дает колоссальный подъем доселе очень подавленного самосознания, саморазвития и самопроявления русского народа и общества. Россия воспринет во всем, начиная от обрабатывания почвы и кончая философскими трудами. Скоро, скоро в близкой нам с Вами философской среде будет наблюдаться то же самое, что совершается теперь в Америке. Молодая, кипучая деятельность, сулящая новые горизонты, новую философскую эпоху. И дела нам всем будет без конца!»³

Коллеги по другую сторону линии фронта, конечно же, не отмалчивались и выступали столь же решительно, да и, пожалуй, более организованно. Примерно в то же время, когда с боевым кличем «На Белград!» выдвинулся в инвалидной коляске на пражский Карлов мост браваый солдат Швейк, культурный цвет германской нации уверенно возвысил голос в защиту Vaterland'a, его немеркнущих идеалов и судьбоносных задач. «Как представители науки и искусства в Германии мы протестуем перед цивилизованным миром против лжи и клевет, которыми наши враги пытаются запятнать честь Германии в ее тяжелой борьбе за существование — в борьбе, которую ей навязали. ...Неправда, что Германия виновна в возбуждении войны. ...Неправда, что мы вторглись в нейтральную Бельгию. ...Неправда, что наши войска варварски поступили с Лувеном. Разъяренные жители города напали на наших солдат и принудили их сжечь в виде наказания часть города. ...Неправда, что, воюя, мы не считаемся с международным правом; мы не совершали незаконных жестокостей. ...Германская армия и германский народ едины, и ныне это сознание братски объединяет немцев всех словий, общественных положений

¹ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 585.

² См.: Емельянов Б.В., Ермичев А.А. Журнал «Логос» (Москва — Петербург 1910 — 1914, Прага 1925) и его редакторы. Екатеринбург, 2002.

³ Письма к Шпету // Логос. 1992. № 3. С. 250.

и партий. (...) ...Мы стремимся довести эту войну до конца так, как подобает цивилизованному народу, для которого наследие Гёте, Бетховена и Канта так же священно, как его собственные жизнь и очаги. ... Те, кто вступили в союз с русскими и сербами и явили миру постыдное зрелище подстрекательства монголов и негров против белой расы, не имеют права считать себя столпами цивилизации». Среди девяносто трех германских профессоров, подписавшихся под воззванием к цивилизованному миру, встречаем философов Р. Эйкена, В. Виндельбанда, В. Вундта, богослова А. фон Гарнака, филолога У. фон Виламовиц-Меллендорфа... Не отставали и естественники: М. Планк, В. Рентген, А. фон Байер, Э. Геккель...¹ Какие имена! Что за единение! Образцово-показательная «гармония лука и лиры», как говаривал в таких случаях не отличавшийся особым челоколюбием Гераклит из Эфеса.

«...Вполне допускаю, что и русские бывают безжалостны и что в газетах наших переплетается выдумка с правдой, — писала поэтесса и переводчица А.К. Герцык 17 ноября 1914 г. М. А. Волошину в Швейцарию. — Но глубокое моральное падение нации германцев нельзя не признать. Читали Вы в «Berliner Tageblatt» позорное воззвание лучших немцев за подписью Вундта, Виндельбанда, Гарнака, Риккерта, Эйкена, Клингера, Дейссена, Гауптмана, Демеля и массы других, где они торжественно разоблачают «взведенную на них клевету», отрицая, что они начали войну, утверждая, что Россия «вероломно напала на них»... отрекаясь от нарушения нейтралитета Бельгии, (!!) от всех актов варварства, котрые им приписывают и т. д. А Реймс? Было Вам больно за него? А то что Круппа наделили званием доктора философии в Бонне, а генерала Гинденбурга, осаждавшего Варшаву, доктором богословия в Кенигсберге?

...Я первая люблю дух немецкой культуры, нуждаюсь в нем, выросла на нем и верю, что после этого страшного падения Германия поднимется и даст новых, быть может религиозных гениев... Хотелось бы очень знать, как Вы ее (войну) воспринимаете? слышите ли огромный апокалиптический смысл ее? кажется ли Вам, что мир очень приблизился к концу, что можно бы умереть от ужаса, если б он не перебивался порой чувством восторга, который испытываем мы все, видя и ощущая пробуждение России, призывание, избрание ее, глубоко сознавая, что она просыпается из долгого сна и что грядущая культура будет религиозной и будет русской. Иначе и быть не может»².

Бельгийский Лувен и французский Реймс постоянно упоминаются в связи с тем шоком, который был пережит мировой общественностью, узнавшей о действиях в этих городах солдат страны, давшей миру Гёте,

Джигитовка казаков

¹ Цит. по: В.Ф. Эрн: *pro et contra*. СПб., 2006. С. 1005 – 1009.

² Сёстры Герцык. *Письма / Сост. и коммент. Т.Н. Жуковской, вступ. ст. М. В. Михайловой*. СПб., 2002. С. 155.

Царь Николай II. Борис Кустодиев, 1915 г.

Бетховена и Канта. После вторжения германских войск в нейтральную Бельгию, в августе 1914 года в старинном Лувене были разрушены университет и библиотека (погибли тысячи томов, в том числе редчайшие средневековые манускрипты), готические ратуша и церковь св. Петра. В сентябре 1914 года, после того как французские войска без боя оставили Реймс, город подвергся сокрушительному обстрелу тяжелой немецкой артиллерии и был почти полностью разрушен. В Реймский собор попало более 300 снарядов, чудо готической архитектуры превратилось в руины.

Москва, 6 октября 1914 г., большой зал Политехнического музея до отказа забит людьми: идет открытое заседание Московского Религиозно-философского общества, посвященное начавшейся войне. С докла-

дом «Братство и свобода» выступает Г.А. Рачинский. Вслед за ним говорят кн. Е.Н. Трубецкой («Война и мировая задача России»), Вяч. Иванов («Все-ленское дело»), С.Н. Булгаков («Русские думы»). Но из всех выступлений самое яркое, бесспорно, — «От Канта к Крупшу» В.Ф. Эрн¹. «Я убежден, во-первых, что бурное восстание германнизма предрешено Аналитикой Канта; я убежден, во-вторых, что орудия Крупша полны глубочайшей философичностью; я убежден, в-третьих, что внутренняя транскрипция германского духа в философии Канта закономерно и фатально сходится с внешней транскрипцией того же самого германского духа в орудиях Крупша². «Моя вражда не против субстанции немецкого народа, а против его дурной, чудовищной модальности, в которую он оказался теперь вовлеченным своим

70-миллионным составом»³. Перефразируя знаменитое высказывание Гераклита «Война (polemos) отец всего», Эрн провозглашает: «Надлежит сперва биться!» В Великой войне философ видит открытое столкновение метафизических принципов, фундаментально — гармонией лука и лиры — определяющих жизнь и смерть человечества, требующих самопознания и самоопределения.

Двумя десятилетиями позже, уже в эмиграции, «путеец» В.В. Зеньковский вспоминал то тяжелое впечатление, которое произвел доклад «От Канта к Крупшу». «За Эрном нужно, однако, признать в этой статье одно бесспорное достоинство — она громко и открыто сказала о том, что многие думали и чувствовали под влиянием войны»⁴. Согласно Эрну, мировая война проявляет вонне, делает ужасающе очевидными последствия губительного для человечества и культуры самоопределения разума как ratio — в его неостановимом движении «от Канта к Крупшу». Самоопределение мысли как ratio есть некая абберрация, фикция. «Но, будучи сам по себе призрак, ratio, становясь единственным господином и нераздельным владыкой философского сознания нового времени, постепенно разрешает всю совокупность действительности в призрак, в непонятно закономерную иллюзию». «Рационализм» влечет за собой «меонизм», отрицание сущего как живого бытия (от греч. *me on*, «не сущее») и жесткий детерминизм. Уже у Декарта и даже Лейбница природа (некогда живое бытие, *physis*, теперь же — мертвая *natura*) предстает в виде бездушного автомата, *machina mundi*, у Ж. Ламетри же механизмом оказывается и человек. Абстрагирование познающего субъекта от личности (человека, социума, космоса, Бога), противостояние ей приводит, в понимании Эрн, к опредмечиванию сущего, представлению его в категории «вещь». Сущее с необходимостью становится объектом человеческого насилия, в результате чего опредмечивается и сам человек, теряющий свою ноуменальную сущность. Эрн осо-

¹ *Тексты докладов: Русская мысль. 1914. № 12. С. 88132.*

² Эрн В.Ф. *Сочинения. М., 1991. С. 308 – 309.*

³ Там же. С. 328.

⁴ Зеньковский В.В. *Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 113.*

бенно подчеркивает связь *ratio* с теорией непрерывного линейного прогресса, утилитаризмом и культом техники, превращающих природу — если воспользоваться ярким образом М. Хайдеггера — в «бензоколонку», подменяющих культуру цивилизацией как овеществленным «рационализмом» (мысль, развиваемая также Н.А. Бердяевым, а позднее О. Шпенглером, М. Хайдеггером и мыслителями Франкфуртской школы). Наследник «рационализма», XX век в неожиданных мировых масштабах «явил возведенную в систему, теоретически обдуманную практику потрясающей бесчеловечности»¹.

Свои лекции 1915 г., посвященные смыслу происходящего, Эрн назовет «Время славянофильствует». Это означает, по мысли Эрна, что старая антитеза «Россия и Европа» настоящей войной решительно снимается, и на первый план теперь выходит новая антитеза Европы (и России), дружащей со святынями, — и Европы, от святынь отказавшейся. «Лицом к лицу тут встречаются две мысли, два самоопределения, два лика самой Европы»².

Одним из немногих, кто поддержал философа, был Вяч. Иванов, очень рано почувствовавший милитаристскую составляющую новой германской культуры. В частном письме сходную мысль высказал и Г. Коген. Примечательно, что в 1915 г. «*Mercure de France*» перепечатал статью П. Валери «Методическое завоевание» (1897), в которой многие увидели сбывшееся пророчество, так как в ней «методизм» германской философии связывался с милитаризмом. И когда значительно позднее Хайдеггер скажет, что ядерная бомба в некотором смысле начала взрываться уже в поэме Парменида, это будет радикализированным до объема всей интеллектуальной истории Европы тезисом о связи *ratio* с демоном техники. Современный немецкий философ П. Слотердайк пишет в своей книге «Критика цинического разума» (1983): «Бомба выступает носителем последней надежды и задачи западной философии, однако ее способ давать уроки еще кажется нам непривычным; он настолько цинически груб и настолько надличностно

жесток, что вспоминаются восточные наставники дзен, которые без колебания бьют своих учеников кулаком по лицу, если это помогает их продвижению к просветлению. Атомная бомба — это настоящий Будда Запада, совершенная, абсолютно независимая и суверенная машина. Она, покоясь, пребывает в своем бункере — чистой действительности, чистой возможности. Она есть высшее воплощение космических энергий и человеческой причастности к ним, наивысшее достижение человечества и его возможная гибель... Она есть антропологическое событие, крайняя объективация того духа власти и силы, который стоит за инстинктом самосохранения. ...Бомба ни на йоту не злее, чем действительность, и ни на волос не разрушительнее, чем мы сами. Она лишь наше разворачивание вовне, лишь материальное изображение и представление нашей сущности. ...Бомба требует от нас не борьбы, не безропотного смирения, а самопознания. Мы — это она. В ней находит свое завершение западный "субъект"»³.

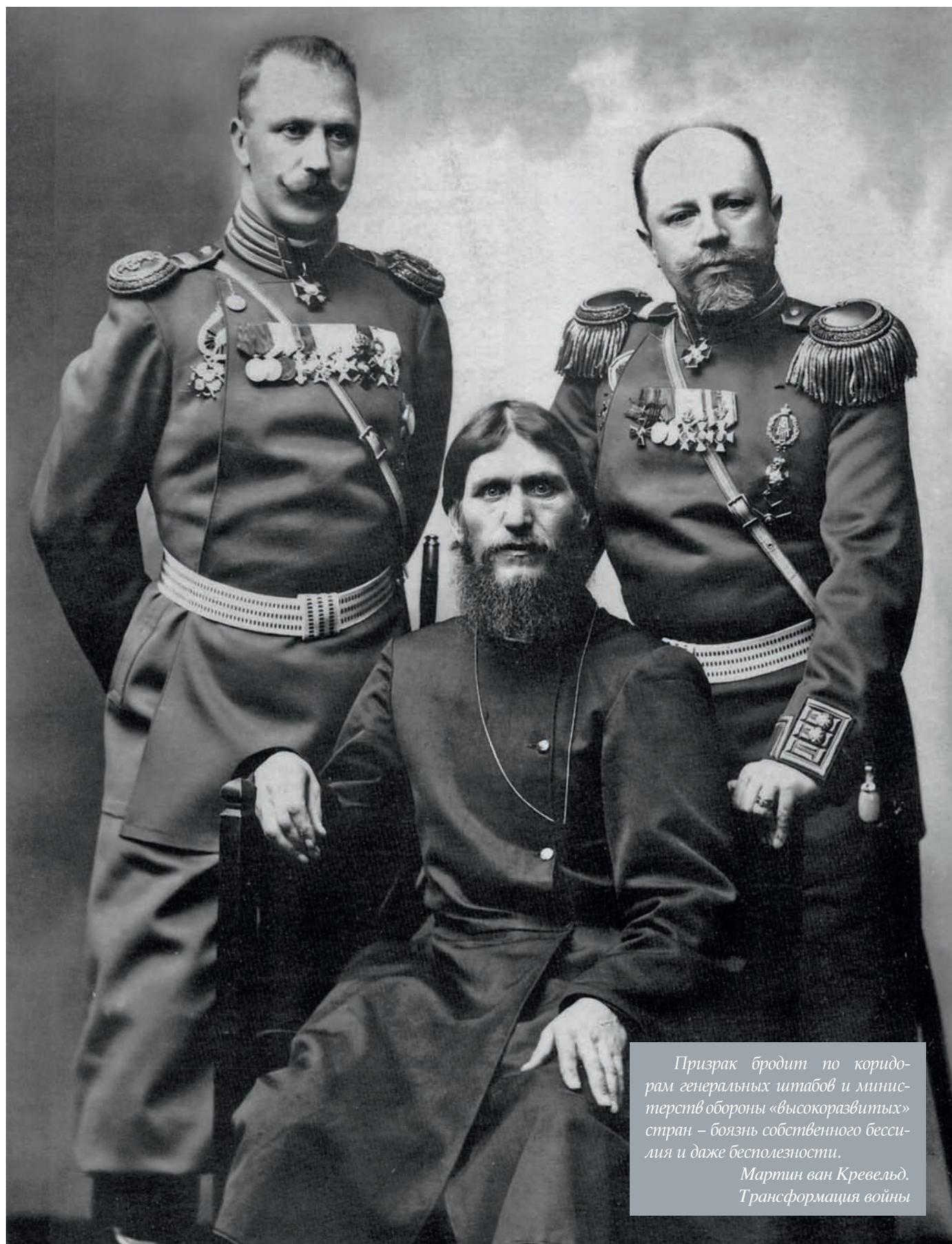

Неизвестному солдату 1914 года. Альбин Эггер-Линц, 1916 г.

¹ Эрн В.Ф. Сочинения. С. 147, 500, 77, 282, 423, др.

² Там же. С. 373.

³ Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 164 – 165.

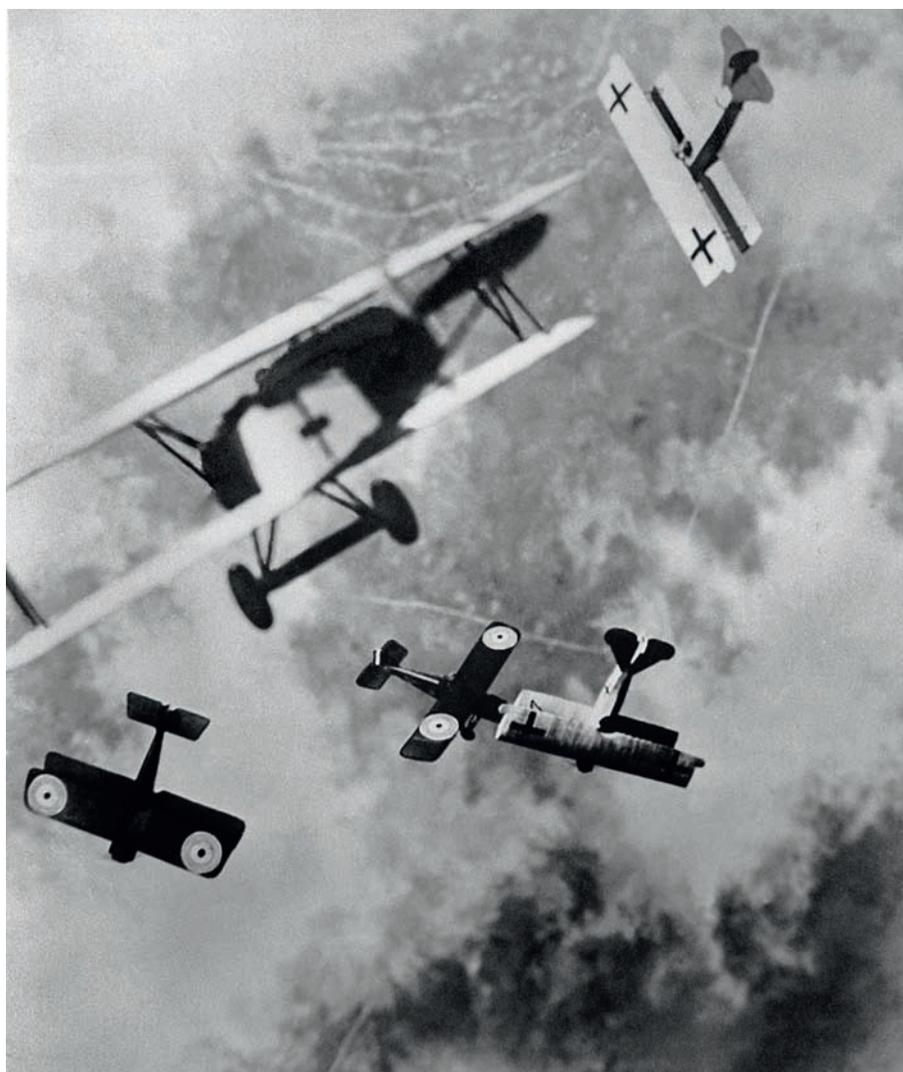
Призрак бродит по коридорам генеральных штабов и министерств обороны «высокотехнологичных» стран – боязнь собственного бессилия и даже бесполезности.

Мартин ван Кревельд.
Трансформация войны

Распутин, генерал-майор князь Михаил Путятин (справа), полковник Лотман (слева)

Разумеется, были и иные оценки. Наиболее радикально отреагировал знаток немецкой философии И.А. Ильин. Он сам так рассказывает об этом громком событии: «В середине января я обратился с вызовом к Эрну. “Кант и Крупш” должны быть публично обсуждены. (...) 29 январ[я] состоялась грандиозная дезинфекция. Эрн читал доклад о феноменализме (...) Я говорил 1½ часа; я никогда еще никого так не разоблачал, я перервал ему глотку. Когда я кончил и ушел, то у некоторых было впечатление, что от Эрна остался один труп; в эту ночь в нескольких домах (из публики) совсем не ложились спать. А я вернулся домой больной телом и душой; теперь будут бояться; Oderint, dum Metuant! [Пусть ненавидят, лишь бы боялись! — лат.] Подумай! Иванов, Эрн (они живут в одной квартире), Рачинский, Булгаков и Скрябин усвоили и распространяют следующее: “война” — это совсем не так плохо, это только периферия, а центр в душе гениальных художников, а кровь, которая на войне льется, — благо: ею мы очищаемся. Скрябин так и говорит: все, что делается на войне, — только поводы к космическим радостям. Все эти грязные болтуны привесли к войне свои извращенные садистические и мазохистические чувствованья и глят воздух; для них война (...) идет от Христа! Они — христиане: ведь это Христос заповедал — очищаться чужой кровью и пить ее. Не чудовищно?! Всю эту гадь — надо немедленно в окопы, под немецкие пулеметы. Иначе скоро нечем будет дышать»¹.

Разворачивающаяся Война все дальше и дальше вовлекала мир в «не календарный — настоящий двадцатый век» (Ахматова). Первоначальный энтузиазм самопознания и самоопределения понемногу сменялся все более явственным ощущением грядущей и уже свершающейся Катастрофы. Впрочем, суровым играм «витязей» и «зигфридов» еще кое-где сопутствовали несравненно более светлые и жизнеутверждающие игры прекрасной половины человечества. В Париже военных лет, — вспоминает Мар-

Воздушный бой, 1914 г.

сель Пруст, — девушки «день-деньской носили на голове ...высокие цилиндрические тюрбаны, облачившись с гражданской ответственностью в темные, очень “военные” прямые египетские туники поверх довольно коротких юбок; ...помимо “струящихся” платьев на них были еще и безделушки, своими декоративными мотивами напоминающими о войне, ...использовались кольца и браслеты из осколков снаряда 75-го калибра; ...это все потому еще, говорили они, что они постоянно вспоминают о наших бойцах, а если кто-то уже погиб, они так “в траурной скорби”, которая “смешана с гордостью”; последнее-то и дозво-

ляло шляпку из белого английского крепа (необычайно изящного, “оставляющего надежду” и неодолимую уверенность в окончательном триумфе), а также замену бывшего кашемира атласом и шелковым муслином, равно жемчуга — “в рамках той деликатности и сдержанности, о которой бессмысленно напоминать француженкам”². Обретенное время уже вряд ли славянофильствовало, это была теперь какая-то другая философия, которая, однако, по-новому и на свой лад все же возвращала лук и лиру к изначальной премирной гармонии.

á

¹ И.А. Ильин: *pro et contra / Сост., вступ. ст., примеч. И.И. Евлампиева. СПб., 2004. С. 202 – 203.*

² Пруст М. *Обретенное время. М., 2003. С. 40 – 41.*